

УДК 821.161.1 «18»
ББК 84(2Рос=Рус)5

И.Л.Багратион-Мухранели

КАВКАЗ В РУССКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Рассматривается литература для народа, освещавшая события Кавказской войны. Проблематика и мотивы высокой литературы – романтических поэм о Кавказе, трансформировались и упрощались в расчете на широкого малообразованного читателя. Массовая литература занимает структурные особенности литературы новаторской. Черты примитивного, но политически ясного подхода массовой литературы, позволяют проследить общие тенденции русской литературы второй половины XIX века. Победоносное войско, беззаветная любовь местной героини к русскому, верность царю и отечеству, торжество православия, – эти мотивы содержатся в книгах для народа, снабженных остро развивающимся сюжетом и счастливым концом.

Ключевые слова: *Кавказ, массовая литература, мотив, структура, Кавказская война.*

Багратион-Мухранели Ирина Леонидовна – канд. фил. наук, доцент, доцент кафедры Лингводидактики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета
Тел.: 8-916-155-543-64.
E-mail: mybagheera@mail.ru

© Багратион-Мухранели И.Л.,
2014.

Интерес к Кавказу у русской читающей публики был особенно велик в первой половине XIX в. Сначала это был интерес к Востоку, сформированный литературой Просвещения XVIII века. То есть это был Восток не дифференцированный, Восток вообще, место экзотическое и занимательное. В «Фелице» Державина Императрица предстает как сказочная восточная «премудрая киргизкайсацкая» царица Фелица, которой пишет – «переводит с арабского» – «некоторый татарский мурза» – Державин. «...эта аллегория ориентальна. Почему? – задается вопросом исследователь русского классицизма Л.В. Пумпянский, – Перед нами ветвь общеевропейского популярного ориентализма XVIII в.; вопрос о соотношении счастья и добродетели естественно у людей XVIII в. принимал форму восточной притчи, и двор калифов поэтически представлялся соединением роскоши с правдолюбием (в XIX в. это представление о Багдаде и Дамаске перешло в детские книги); этот условный Восток повестей Вольтера в России был осложнен своим востоком – татарско-дворянским; не один Державин, значительная часть русского дворянства пережила тогда возрождение своего татарского самосознания... в благоприятной атмосфере общей любви XVIII в. к un Orient de convention заговорила гордость татарского происхождения и, совершенно неожиданно, русская поэзия окрасилась этим странным возрождением. В «Фелице» можно проследить колебание между двумя Востоками: татарским и калифатом. Как будто,

когда речь идет о вельможах, преобладает татарский, а о Фелице – калифатский и чисто вольтеровский». [Пумпянский, с. 94].

Это восприятие двух условных Востоков перешло на восприятие Кавказа.

Для русской литературы конца XVIII в. не было особенной разницы между турками, кабардинцами, персиянами и чеченцами. С начала XIX в., с присоединением Грузии к России, Восток вошел в границы империи. А с началом Кавказской войны, самой долгой в XIX в., длившейся с 1818 по 1861 г., тема Кавказа была востребована и в литературе романтизма, в лирике и поэмах Пушкина и Лермонтова, Бестужева-Марлинского, позже – в произведениях Я. Полонского, В. Соллогуба, Л.Н. Толстого.

Наряду с новаторским подходом названных выше авторов, в русской литературе появился ряд произведений, ставивших себе цель познакомить читателя с новым экзотическим местом, прикоснуться к модной теме Кавказа. В них характеры, проблемы и конфликты трактовались достаточно облегченно.

Однако в плане истории литературы нельзя их сбрасывать со счетов, поскольку рассмотрение этих произведений наглядно демонстрирует изменение читательских вкусов, трансформацию мотивов, впервые раскрытых в высокой литературе, переход от литературы классицизма к романтизму и затем к реализму.

В начале XIX в. жесткого деления на литературу высокую и массовую не существовало. Занимательная литература могла принадлежать перу вполне серьезных авторов. Ярким примером этому может служить восточная повесть, написанная Царевичем Давидом, принадлежавшим к первой волне грузинской эмиграции в России. [Царевич Давид, 1804].

Царевич Давид, наследник картли-кахетинского престола в 1787–1789 гг. учился в Петербурге, а в 1797–1798 состоял офицером лейб-гвардии Преображенского полка. После смерти отца, царя Георгия XII, последовавшей 28 декабря 1800 г., Давид некоторое время (до июня 1801 г. управлял царством в качестве правителя Грузии. Лишенный трона после присоединения Грузии к России царевич Давид был выслан в Петербург, не примкнув к антирусской коалиции.

Александр I проявил по отношению к нему щедрость – царевичу Давиду были пожалованы чин генерал-лейтенанта и должность сенатора, поместье в 2000 душ и содержание 500 рублей в месяц. Лишившись царства, Давид занялся научной, литературной и переводческой деятельностью. Он написал «Очерк истории Грузии» (1800), «Краткую историю о Грузии. Со времен первого во оной населения» (1805), которая имела посвящение «Сия книга сочинена для Господина генерал-майора Тучкова». Стоит вспомнить, что 21 апреля 1799 г. во время сражения в Тагаурском урочище будущий гражданский губернатор С.А.Тучков разбил черкесов и кабардинцев, за что и получил чин генерал-майора. Он оставил Записки, в которых описал многие события, происходившие на Кавказской линии. Характерно, что первые сочинения о Грузии были

результатом русско-грузинской дружбы. Книга митрополита Евгения «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Сочинено в Александро-Невской Академии. СПб. 1802». [Болховитинов], также была результатом близкого знакомства автора с представителями грузинской эмиграции в Петербурге.

Царевичу Давиду принадлежит оригинальный роман «Новый Ших, или Переписка на персидский вкус любовника с любовницей, живших при подошве Кавказских гор», переведенный на русский Сергеем Митропольским в 1804 г. при Петербургской Академии наук. Роман строится на том, что Ших – духовное лицо, побывав в Грузии влюбляется в прекрасную девушку Перию – грузинку. Она, узнав о любви к ней персидского духовного лица, сообщает, что выйдет за него замуж, когда Ших Синан будет пить вино (что запрещено). К слову Ших – сноска: Наименование Ших на Персидском языке означает первую особу в духовных Магометанского исповедования Алиевой секты. «Сие побудило Шиха удалиться. Но он раскаялся скоро о удалении от Перии и написал письмо. Она пролила слезы после его письма. «Искра любви<...> скрывающаяся в пепле моего сердца<...> со временем воспламенится». «Кто начинает любить, должен представлять горесть, которая ей сопутствует» [Царевич Давид, 1804, с. 31]. Синан просит отдать ему сердце, как он отдал ей свое.

Любовники изъясняются очень метафорично. «...доколе ты не оставишь лук любви<...> на меня устремленный, я не могу тебя оставить». «Ты была моею розою; а я тот соловей; ты была Пальм <так!>, а я Горлица<...> имеющая на нем пристанище». «Ежели бы ты был соловей, тогда бы я обратилась в распускающуюся розу. Ежели бы ты был горлицей, я бы служила пальмом, которой бы восхищался, видя тебя на своих ветвях. Ибо цепь судьбы<...> соединяющая нас<...> воспящает быть нам в разлуке. Бытие наше предполагает то, чтоб мы взаимной между собою связью были одни другим более полезны. Поверь мне, что сердце мое, кроме тебя, никому другому не будет предано». «Устав природы, что роза без летней теплоты, существовать не может. Я должна почесться розой, а ты тем благотворным летом, от которого зависит мое существо. Я такого свойства пальм, которой скоро иссохнет, когда не увидит на ветвях своих милой себе горлицы» [Царевич Давид, 1804, с. 61, 80, 81, 87].

«Новый Ших» – непритязательная ориентальная повесть. Несмотря то что Перия также именуется «Новой Флорой», особой новизны ни в изображении героев, ни в содержании нет. Возможно, автор следовал складывающейся традиции. Первая грузинская повесть, напечатанная на русском, называлась «Похождения новомодной красавицы принцессы Гуланданы и храброго принца Барама, сочиненные Диларгетом, секретарем тбилиским». СПб., 1774. «Новый Ших», в отличие от классицистского ориентализма принцессы Гуланданы и принца Барама, был написан в поэтике чувствительного романа. Но коллизии «Нового Шиха» будут иметь продолжение в массовой литературе.

П.П. Зубов (сын екатерининского фаворита), автор документаль-

ных произведений о Кавказе, таких как «Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году», «Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 г.» (1835) и др., содержащие сведения по истории, этнографии, географии Кавказа, являлся также автором нескольких романов, развивавших клишированные мотивы. «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году», «Прекрасная грузинка, или нашествие Аги Магмет Хана на Тифлис в 1795 году», «Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II». [Зубов, 1834, 1847]. Все они содержат большое количество случайных совпадений, мелодраматических сцен, риторических рассуждений, какие давали возможность развития сюжета о любви христианина и мусульманки. В дальнейшем, в севастопольскую кампанию П. Зубов все больше отходит от историко-документальной основы изображения событий и начинает писать агитационные ура-патриотические солдатские песни, стихи, сочинения типа «Вот это чисто по-русски! Или князь Бобутов под Карсом» (1854).

Большим мастерством обладал Н. Зряхов, также подвизавшийся в жанре книг для народа. Начав с издания сентиментально-нравоучительных любовных романов из французской жизни, он стал осваивать «российско-историческую» тематику. В 1836 г. он издает анонимно «Прекрасную Астраханку, или хижину на берегу Оки», а также «Деву закубанскую, или Любовь до могилы. Роман, сочиненный жителем Кавказа».

В 1840 г. Зряхов выпускает в свет свой лучший роман «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть в 2-х частях. С военными маршами и хорами певчих». [Зряхов, 1840].

Лермонтов начинает предшествующую «Мцыри» поэму «Сашка» (предположительное время написания 1835–36 г.), иронией по поводу увлечения в литературе темы плена. *«Наш век смешон и жалок, – все пиши // Ему про казни, цепи да изгнанья, // Про темные волнения души, // И только слышишь муки да страданья»* [Лермонтов, т. IV, с. 41].

Эта ирония предвосхищает «опускание» мотива плена в массовую литературу. Здесь мотив плена еще сохраняет серьезное, хотя и плоское освещение. Сюжетная схема заимствована у Пушкина. Но у автора «высокий, чувствительный язык карамзинского времени» [Щербина, с. 285] соединяется со злободневной тематикой Кавказской войны. В повести «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная Магометанка, умирающая на гробе своего супруга» Н. Зряхова герой – Андрей Победоносцев – попадает в плен. Но это проходной эпизод, вставленный по традиции для придания сюжету местного колорита и остроты. Однако вся стилистика повести является сказочной. В плену кабардинский князь не только не сажает героя на цепь и не держит в яме, а сразу же предлагает жениться на собственной дочери, как только Андрей перейдет в магометанство. Коран ему читает прекрасная дочь хозяина, влюбившаяся в русского. Ее *machina* русские войска отбивают пленных и Андрей

возвращается к своим, а прекрасная Зульфия, ставшая Софией, перейдя в христианство, выходит замуж за героя. Ее отец (без какой бы то ни было мотивации) премного доволен этим обстоятельством, благословляет молодых, но тут Андрей умирает в 23 года от ран и пролитой крови за отечество. София не силах пережить разлуги с любимым тут же умирает на гробе супруга. Их ребенок посещает по воскресеньям могилы родителей. Зряхов создает персонажей, близких к лубочным рыцарским романам, описывает экзотическую обстановку. Он непоколебимо уверен в превосходстве православных царя и отечества над басурманами. Эта «русская повесть с военными маршами и хорами» выдержала 40 (!) переизданий, последнее в 1991 г. и породило многочисленные переделки и подражания.

Грань между мотивной структурой высокой литературы и массовой была тонкой. Важная роль в массовой литературе о Кавказе принадлежит жанру народной песни, широко используемой в литературе романтизма. Эта линия стилизаций русской литературы, представлявших песенный фольклор горских народов, начиналась с черкесской песни в «Кавказском пленнике» А.С. Пушкина *«В реке бежит зреющий вал; // В горах безмолвие ночное <...> // Не спи казак: во тьме ночной // Чеченец ходит за горой»* [Пушкин, т. 4, с. 125]. Пушкин, представляя безыскусные горские песни, сложенные чеченцами, завершает каждую строфу строкой «Чеченец ходит за горой».

Дважды Лермонтов пишет черкесскую песню. Первый раз в поэме «Черкесы» (1828), написанной под влиянием поэмы Пушкина, и второй раз в «Измаил-Бее» («Много дев у нас в горах»).

Замечательно стилизована в передаче Максима Максимовича песня, которую поет Бела, обращаясь к Печорину в «Герое нашего времени».

С большим искусством воспроизводит горский фольклор поэт, острослов, принимавший участие в «писаниях Козьмы Пруткова», служивший на Кавказе А.Н. Аммосов. Его способность к языковому перевоплощению, умение предать разговорные интонации, ввести конкретные реалии («Кинжал Базалай», «Дам лихого коня // С кабардинским тавром») способствовала тому, что роковая баллада «Элегия» («Хас-Булат удалой // Бедна сакля твоя», 1858) стала популярной «народной» песней.

Столь же удачной и долговременной жизнью обладает и стихотворение «Тост» В. Соллогуба («Нам каждый гость дарован Богом // Какой бы ни был он среды // Хотя бы в рубище убогом // Аллаверды, Аллаверды»), которое поется во время застолий и существует в различных переделках-изводах.

Кавказ – тема чрезвычайно востребованная в середине XIX в. в русской литературе. М.А.Ливенцов, служивший в сороковые годы на Кавказе, пишет ряд повестей под воздействием А.В.Дружинина. Среди них «Записки дамы, бывшей в плену у горцев» (1858). Начав писать в жанре физиологического очерка, сочувственно изображая нравы и быт

кавказских горцев, Ливенцов писал: «Всматриваясь в жизнь горцев, я не находил ни страсти дикой, ни нежной любви, ни вражды свирепой и непримиримой – все это было только в лучезарном воображении поэтов» [Ливенцов, с. 5]. Тем не менее, сам Ливенцов в повести «Михако и Нино. Грузинская идиллия», опубликованной в «Библиотеке для чтения» (1852, т. 113) не удержался от идеализации и искажения реалий грузинской жизни и нравов. Происходило это оттого, что автор, подражая «Полиньке Сакс» А.В. Дружинина, был увлечен женским вопросом и полемикой с романами Жорж Санд. Дружинин возлагал на него определенные надежды, призывая писать о том, что он хорошо знает. «Ваша специальность – в знании военного быта и кавказских нравов... Берите пример с Толстого и торопитесь – его военные рассказы имеют успех страшный» [Письма Дружинину, с. 172], – советовал ему А.В. Дружинин. Однако Ливенцов не нашел новых способов изображения кавказской войны, как и Д.Л. Мордовцев, автор трех кавказских романов. [Мордовцев, 1896, 1902]. Ни один из них не стал, как Л.Н. Толстой, автором «Хаджи-Мурата». Что же касается мотива плена – одного из самых сюжетобразующих мотивов на кавказском материале – новый вариант плена находим в начале XX в. в печальной судьбе княжны Нины Джаваха – героини повести Л. Чарской [Чарская, 1993] и стихотворения «Памяти Нины Джаваха» М. Цветаевой, оказавшейся пленницей севера, насильственно переселенной с родного Кавказа, юга – в чужой холодный Петербург.

Л. Чарская обращается к кавказскому материалу, помимо серий о княжне Нине Джаваха, во многих романах – «Газават», «Бичо-джан. Приключения кавказского мальчика». [Чарская, 1994]. Литература для юношества имеет много общих черт с низовой литературой – откровенная назидательность, острый сюжет, цветистый стиль.

В романе «Газават», в основе которого лежит мелодраматический сюжет – история молодого русского офицера, попавшего в плен, и его друга, аманата – сына вождя восставших горцев, воспитанного в России, вернувшегося обратно в горы, ставшие ему чужими, освободившего русского и т. д. – писательница с большим сочувствием рисует мятежных горцев и Шамиля. В первой трети романа действие происходит в горах и Кавказская война рисуется с точки зрения горцев, приводится большое количество слов, обозначающих местные реалии, особенности мусульманства – намаз, тарикат, абах-намаз и т. д. Герои отличаются однозначной определенностью, как это характерно для массовой литературы. Здесь главных героев окружают и добрая сострадательная чеченка, и юная страдалница-христианка, грузинка, отказавшаяся переходить в мусульманство и терпящая побои, поношения и издевательства, и свирепый и жестокий воин-мюрид Шамиля. Язык повести полон восточной цветистости, превосходящей «марлинизмы» первых повестей о Кавказе. Символический язык и метафоры Чарская использует для характеристики Шамиля. «Отец, – скромно сказал Гасан, – я слышал и видел великого имама, когда очи его метали молнии, а из уст сыпались цветы».

Вот, например, как выглядит разговор между Гасаном, молодым героем, решившим стать мюридом и Кази-Муллой: «Ты мудрый змий, и сведущ, как алим, – отвечал ему гость, – а потому тебе должны быть известны мои помыслы. Мое сердце чисто, как хрустальная струя горного озера, моя мысль пряма, как дагестанский кинжал. Я пришел вкусить от источника сладчайшего: я хочу быть мюридом, хочу примкнуть к тем, кто сражается против гяуров-урусов и мечом распространять славу Корана...» [Чарская, С. 29] В целом борьба горцев за свободу изображена очень сочувственно. Хотя в романе есть и «патриотические вставки», рисующие «наших». В главе «На штурм» читаем: «Молодцы, богатыри они! Безпрекословно идут туда, где многих из них ждала верная смерть. И при этом полная готовность умереть за веру и царя».

Сочетание риторики с занимательностью характеризует массовую литературу на кавказские темы. Но помимо этого, в ней получало отражение желание понять культуру Другого. Знакомство с жизнью кавказских народов способствовало становлению самоидентификации русского самосознания, что делает интерес к ней составной частью изучения литературы.

Литература

Аммосов А.Н. Элегия. // Поэты 1860-х годов. Библиотека поэта. Малая серия: 3-е изд Л.: Советский писатель, 1968.

Болховитинов Евг. (Митрополит Евгений) Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Сочинено в Александро-Невской Академии. СПб., 1802.

Зряхов Н. И. Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга: русская повесть в 2-х частях. С военными маршами и хорами певчих. М., 1840.

Зубов П. П. Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет Хана на Тифлис в 1795 году. Ч. 1–2. М., 1834.

Зубов П. П. Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II. Ч. 1–2. СПб., 1847.

Игнатьев С. Похождения новомодной красавицы принцессы Гуланданы и храброго принца Барама, сочиненные Диларгетом, секретарем тбилиским. СПб., 1774.

Лермонтов М.Ю. Сашка // Полн. собр. соч.: в 6 т., М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 4.

Ливенцов М. А. Записки дамы, бывшей в плену у горцев // Б-ка для чтения. 1858. № 5, 6.

Мордовцев Д. Л. Кавказский герой // *Мордовцев Д. Л.* Собр. соч. Т. 46. СПб., 1902.

Мордовцев Д. Л. Железом и кровью: роман из истории завоевания Кавказа при Ермолове. СПб., 1896.

Письма к А.В. Дружинину. (1850–1863). // Летописи государственного литературного музея, кн. IX. М., 1948.

Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры. 2000.

Пушкин А.С. Кавказский пленник // Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР. Т. 4.

Рейтблат А.И. Зряхов Николай Ильич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2.

Царевич Давид. Краткая история Грузии. Со времен первого во оной населения. СПб., тип. При Императорской Академии Наук, 1805.

Царевич Давид. Новый ших, или Переписка на персидский вкус любownika с любовницей, живших при подошве Кавказских гор. СПб., переведена на русский Сергеем Митропольским при Петербургской Академии наук, 1804.

Чарская Л.А. Княжна Джаваха. СПб.: Эллипс, 1993.

Чарская Л. А. Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу. СПб., 1994.

Щербина Н.Ф. Опыт о книге для народа // Отечественные записки 1861, № 2.

References

Ammosov A.N. Elegiya. // Poety 1860-kh godov. Biblioteka poeta. Malaya seriya. 3-e izd. L., Sovetskii pisatel', 1968.

Bolkhovitinov Evg. (Mitropolit Evgenii) Istoricheskoe izobrazhenie Gruzii v politicheskom, tserkovnom i uchebnom eya sostoyanii. Sochineno v Aleksandro-Nevskoi Akademii. SPB. 1802.

Charskaya L.A. Knyazhna Dzhavakha. SPb.: Ellips, 1993.

Charskaya L. A. Gazavat. Tridtsat' let bor'by gortsev za svobodu. SPb., 1994.

Ignat'ev S. Pokhozheniya novomodnoi krasavitsy printsessy Gulandany i khrabrogo printsa Barama, sochinennye Dilargetom, sekretarem tbilisskim. SPb., 1774.

Lermontov M.Yu. Sashka // Poln. sobr. soch.: v 6 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1952. Т. 4.

Liventsov M. A. Zapiski damy, byvshei v plenu u gortsev // B-ka dlya chteniya. 1858. № 5, 6

Mordovtsev D. L. Kavkazskii geroi // Mordovtsev D. L. Sobr. soch. Т. 46. SPb., 1902.

Mordovtsev D. L. Zhelezom i krov'yu: roman iz istorii zavoevaniya Kavkaza pri Ermolove. SPb., 1896.

Pis'ma k A.V. Druzhininu. (1850–1863) // Letopisi gosudarstvennogo literaturnogo muzeya, kn. IX. M. 1948.

Pumpyanskii L.V. Klassicheskaya traditsiya. Sobranie trudov po istorii russkoi literatury. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.

Pushkin A.S. Kavkazskii plennik // Poln. sobr. soch.: v 10 t. M.: Izd-vo AN SSSR, Т. 4

Reitblat A.I. Zryakhov Nikolai Il'ich. // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M.: «Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya», 1992, Т. 2.

Tsarevich David. Kratkaya istoriya Gruzii. So vremen pervogo vo onoi naseleniya. Spb, tip. Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1805.

Tsarevich David. Novyi shikh, ili Perepiska na persidskii vkus lyubovnika s lyubovnitsei, zhivshikh pri podoshve Kavkazskikh gor. SPb, perevedena na russkii Sergeem Mitropol'skim pri Peterburgskoi Akademii nauk, 1804.

Shcherbina N.F. Opyt o knige dlya naroda // Otechestvennye Zapiski. 1861. № 2.

Zryakhov N. I. Bitva russkikh s kabardintsami, ili Prekrasnaya magometanka, umirayushchaya na grobe svoego supruga: russkaya povest' v 2-kh chastyakh. S

voennymi marshami i khorami pevchikh. M., 1840.

Zubov P. P. Prekrasnaya gruzinka, ili Nashestvie Agi Magmet Khana na Tiflis v 1795 godu. Ch. 1–2. M., 1834.

Zubov P. P. Talisman, ili Kavkaz v poslednie gody tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II. Ch. 1–2. SPb., 1847.

**Bagration-Mukhraneli I.L. (Moscow, Russian Federation)
Caucasus in Russian popular literature of the XIX century**

The article «Caucasus in Russian popular literature of the XIX century» considers literature for the people covering the events of the Caucasian war. Perspectives and the motives of high literature – romantic poems about the Caucasus were transformed and simplified with allowances made for the general poorly educated reader.

Mass literature borrows the structural features of innovative literature. Primitive traits, but politically clear approach of the popular literature, allow tracking the general tendencies of the Russian literature of the second half of the XIX century.

The victorious army, devoted love of a local heroine to the Russian, loyalty to the king and the fatherland, the triumph of orthodoxy – these motifs are in the books for the people with acutely developing plot and a happy ending.

Key words: *Caucasus, mass literature, motif, structure, Caucasian War.*

Bagration-Mukhraneli Irina Leonidovna – candidate of linguistics, professor assistant of linguistics and cross-cultural communication dpt. Moscow city psycho-pedagogical university. E-mail: mybagheera@mail.ru
Phone: 8-916-155-543-64.